

ДВА МИРА - ДВА ОБРАЗА ЖИЗНИ. Письма о далеком и о близком

(Продолжение. Начало см.: "Аргументы и факты", 1983, N 28.)

2. Возвращение

МНЕ ОЧЕНЬ ПАМЯТЕН 1947 ГОД: в Буэнос-Айресе открылось посольство СССР, и наша семья получила советские документы взамен потерявших всякое значение паспортов буржуазной Польши. Но из-за препятствий, чинимых аргентинскими властями, домой мы смогли вернуться гораздо позже.

Однако нас согревала надежда, и жизнь не казалась уже такой беспросветной. Душу отводили в прогрессивном клубе имени Максима Горького, который посещали эмигранты - русские, украинцы, белорусы. Заходили туда и аргентинцы и люди других национальностей.

Однажды в клуб пришли советские моряки - люди из совсем другого мира. Доброжелательность, высокую духовную культуру, внутреннюю гордость за свою страну мы потом подмечали у всех, кто приезжал "оттуда", - и у сотрудников промышленной выставки СССР в Буэнос-Айресе, и у советских спортсменов и артистов, и у обыкновенных туристов. Как непохожи были все они на тех одиноких, озлобленных неудачников, которых я видел изо дня в день! Когда я делился своим восторгом с отцом, тот обычно говорил:

- Сынок, рано или поздно мы вернемся домой. Но я не хочу, чтобы ты готовил себя к райской жизни. Все, что имеют советские люди, они сделали сами, им никто не помогал строить новую жизнь. Готовь себя тоже к честному труду и к борьбе с трудностями, которые еще стоят перед Советской страной. И еще знай: ни одно общество не может состоять из одних ангелов.

Отец хотел, чтобы я приехал на родную землю не потребителем, а работником. И, сам того не ведая, заранее помог мне найти себя в новой жизни. Позже мы не раз встречали репатриантов, которые привезли с собой в Советский Союз немалый запас идеализма. Они представляли СССР страной, где уже построен коммунизм, а люди лишены всех недостатков. Приехав в СССР, репатрианты быстро привыкли ко всему, что так восхищало их поначалу, - к бесплатному лечению, доступному образованию, праву на труд, Конституции, защищающей интересы трудового человека, - и перестали это замечать. Зато некоторые хорошо замечали наши трудности. У них перед глазами все чаще вставали сверкающие изобилием заокеанские витрины. Но забывалось главное: товары за ними были не для бедняков.

Находились и такие, кто возвращался назад, в мир капитала. Там сразу наступало отрезвление, но вернуть утраченное уже было невозможно. Об одной очень знакомой мне судьбе хотелось бы рассказать подробнее.

Во Львов Мария приехала из Аргентины вместе с мужем. Он знал родной язык и сразу окунулся в кипучую заводскую жизнь. Ей, говорившей только по-испански, пришлось сложнее.

А тут пошли еще письма из-за океана: "Милая сестрица, ты в чужой стране, среди чужих людей, у которых нет ничего общего с нами. Они отличаются укладом жизни, психологией, привыкли довольствоваться самым необходимым, и на этом построено их мышление..." Далее шла приманка: "Адвокат Сойет, у которого ты работала машинисткой, сказал, что с удовольствием принял бы тебя на прежнее место... Мы купили наконец машину - не совсем новую, но приличную. Хорхе подзанил денюжат и купил в мастерскую еще два станка. Думаем за год-два рассчитаться с долгами..."

Словом, год спустя она уехала. Устав от споров и уговоров, муж проводил ее, не ведая, что под сердцем Мария увозит с собой его будущего сына. А через семь лет от нее пришло письмо: "Сама не знаю, зачем и почему пишу тебе. Я получала твои письма и подарки. Писать не решалась - ведь у тебя новая семья - и

не знала, как будут восприниматься мои письма. Тебя я ни в чем не виню, а сама... Сегодня мальчик не пошел в школу - у него дырявые ботинки, а на улице дождь. Я очень тревожусь за него, он целыми днями один. Вынуждена работать в двух местах и еще прихватывать работу домой. За дом нужно выплачивать. Сейчас никто ни в чем не дает отсрочек... У сестры свои заботы: мастерская Хорхе ничего не дает, он еще кое-как держится, а другие, даже средние, предприятия закрываются одно за другим. Остаются только большие заводы, те, что построены на иностранные капиталы. Очень много людей теряют работу. Говорят, что так было в тридцатом году, перед большим кризисом... Не поверишь: я почти седая. Страшно устаю, но пока тяну. Боюсь и не хочу думать о том, что будет, когда не станет больше сил..."

Первое письмо от сына пришло, когда подростку исполнилось пятнадцать лет: "Очень не хочется оставлять школу, и я тянусь, как могу. В этом году пропустил три месяца, когда маме было особенно плохо. Врач оказал, что у нее нервное истощение. Она очень много работает, иногда и по ночам. Я устроился разносчиком в аптеке - пусть гроши, а все-таки помощь. Если устроиться на работу, можно было бы сдать экзамены экстерном. Так хочется учиться! Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь. Из тех, кто работает, в колледж никто не попадает. А об университете уж и говорить нечего... Хотелось бы хоть что-то знать о своей стране. Расскажи, пожалуйста, о себе, о бабушке. Я узнал, что могу считаться советским, поскольку мой отец там и отец мамы тоже родился там. Мама говорит, что у вас там все учатся и что молодые могут выбирать: учиться или работать. Вот бы мне так!"

И последнее письмо от Марии: "Очень тревожусь за сына, он стал замкнутым, я не знаю, о чем он думает. Домой приходит поздно, на вопросы не отвечает... Мальчику не хватает того, что я не могу ему дать. Он хочет учиться, бредит этим. И нет никого, с кем он мог бы поделиться своими мыслями, нас всех он считает несерьезными людьми - так он сказал мне однажды. Я начинаю чувствовать себя виноватой перед ним. Такое чувство, словно я у него что-то отняла".

Думаю, что Мария отняла у сына очень многое: людей, способных всегда прийти на помощь, страну, в которой нет ни одного голодного, раздетого ребенка, где ни один больной не оставлен без медицинской помощи, ни один человек не ютится под мостом...

Есть ценности, которые в жизни ничем не заменять. С чем, например, мог сравнить лично я свой первый рабочий день на советском заводе? В обеденный перерыв еще незнакомые мне люди собрались в кружок. "Садись, парень, не стесняйся!" - позвали меня. И разворачивались свертки, выкладывались на общий стол бутерброды, пирожки, помидоры. Каждый предлагал соседу свое угощение. Люди смеялись, шутили, говорили друг другу о домашних делах, уговаривались поехать на выходной день в лес, на рыбалку, на охоту... И никто не догадывался, что у меня за все мои 25 лет жизни такого поистине братского застолья еще никогда не было...